

16+

ЗАСТЫВШИЙ СВЕТ

Дина Павлова

Дина Павлова
Застывший свет

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Павлова Д.

Застывший свет / Д. Павлова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Могут ли застывшие фонари убивать? Все возможно, когда только от одного вопроса твоё сердце замирает, кажется, навсегда.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Застывшие фонари	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Застывший свет

Предисловие

Один мудрый человек сказал, что слова, более точно – язык, нужны нам не для общения, как другим социальным животным, он нужен нашему человеческому мышлению, это способ выразить, осознать себя и познать мир.

Это утверждение неоднозначно, как впрочем, и всякая представляющая ценность мысль. Я и раньше встречала нечто подобное, но, правда, не в научных трудах, а в религиозных учениях. Так, Восток учит нас наблюдать, ведь подлинная жизнь протекает в молчании и созерцании, вне мышления, помимо него, а может быть, и исключая его. Конфликт может быть сформулирован ещё острее: или действовать, или говорить – мыслить.

Спорить трудно: чтобы любить, слова не нужны, не нужны они и чтобы есть, и тем более, чтобы разделить с другим горе или радость. Но слова нужны, чтобы рассказать о себе – о любви, о еде, обо всём.

Я говорю это здесь, до начала «настоящей истории», чтобы вас не вводило в заблуждение то обстоятельство, что эту историю рассказываю я. Примем эту условность, оговорку, позволяющую вам узнать, что же на самом деле случилось со мной. Другими словами, то, что эту историю рассказываю вам я, также условно связано с её содержанием, как слова о любви – с подлинно любовью. Но, кажется, я окончательно запутала вас, повторим главное – то, что рассказчиком выступаю я, – всего лишь наша договоренность, не более. А теперь собственно история.

Глава 1. Застывшие фонари

– Лен, а ты видела застывшие фонари? – она сжала своей крохотной ручкой мою мгновенно взмокшую ладонь. Какая же она ещё маленькая. Ноги подломились, будто кто-то выбил одним махом колени, и со дна моего отчаяния, из-под гнёта толщи холодного вечернего воздуха, внезапно навалившегося на меня, я промямлила:

– Не помню, наверное, нет, – я уже знала ответ, но всё равно не удержалась, – а где ты их видела, Мелкая?

Она почти наверняка сморщила нос, всегда так делала, когда я называла её «мелкой». У меня не хватило мужества заглянуть ей в лицо.

– В парке, – она замолчала на секунду, – и у дома, да они тогда везде были такими.

Видела? Конечно, я видела «застывшие» фонари, только такое меткое определение придумать для них не смогла. В первый раз я увидела их, когда была младше, чем Мелкая сейчас. Увидела, и потом ещё неделю таскала своих одноклассников по вечерним дворам, чтоб отыскать застывшие фонари и цветной снег. Но их не было нигде, они исчезли отовсюду, их сменили обычные.

А потом я увидела их снова, и видела ещё не раз, но моих друзей, к счастью, не было со мной, и я больше никогда и никому о тех фонарях не рассказывала.

Если у вас не случалось вечеров, когда город наполняли «застывшие» фонари, мне будет трудно объяснить. Мир для вас привычная картинка, неизменная. Вы всегда смотрите под одним углом, и потому обречены видеть одно и то же. Лишь избранным – ученым, гениям или безумцам – доступна необыкновенная возможность видеть привычный мир под другим углом зрения.

По правде сказать, дело было не только в фонарях, и не столько в них. Но я тоже поняла это не сразу. Мир преобразился так внезапно, что я, как Алиса, свалившаяся в кроличью нору, в оцепенении изумлении таранилась по сторонам.

Всё вокруг приобрело необыкновенную чёткость, как если бы было отредактировано до максимальной резкости на экране телефона. Ослепительно белые ветки берёз с впивающимися в глаза жилками и заломами на фоне фиолетового неба, словно разложенного на атомы. «Плоские» дома с объемными узорами окон, дверей, водосточных труб. Мы будто шли по картонной карте с установленными на ней картонными фигурками, раскрашенными только с одной стороны. Снег покрывали сочные яркие цветные пятна, сбегавшие по стволам и стенам домов вверх, на небо. Увидишь такое однажды, никогда не сможешь забыть.

Асфальт, покрытый снежно-ледяной коркой, приобрёл странную упругость, отталкивая с мягкой силой каждый шаг. Я смеялась, не понимая, почему вдруг мои ноги стали такими неуклюжими.

Фонари. Да, фонари... Вы тоже их видели, когда смотрели через заснеженное окно или разглядывали их на особенно удачных фотографиях, а ещё – такие фонари вы видели, если у вас начала развиваться катаракта. Свет не лился от ламп в чашах фонарей, он застыл, разложившись на кольца, не пульсировал, не распространялся.

В тот первый раз я немного испугалась, сжала сильнее его ладонь. Он успокоил меня. И я стала прислушиваться к своим ощущениям. Мир превратился в месиво ярких пульсирующих красок, слишком ярких, слишком пульсирующих, голова стала тяжёлой, хотелось пить, и мы вернулись домой. Из того вечера я больше ничего и не помню.

В следующий раз «застывшие» фонари я увидела весной, но на них я почти не смотрела. Меня отвлекали звуки. Пение птиц – сильный, чистый, невероятной красоты звук, прорывавшийся сквозь рёв машин и гул поезда, он накатывал волнами, будто раздаваясь внутри головы, смолкал ненадолго, подавляемый шумом города, и возвращался вновь, чтоб заполнить моё

сознание. До этого вечера я никогда по-настоящему ничего не слышала – ни шелеста листьев, ни урчания мотора, ни гудка поезда. Прежние звуки были ненастоящими, блёклыми, всегда доносившимися из-за стены, эти лились сильно и бойко сквозь преграды, а может быть, огибая их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.